

«ЧЕЛОВЕК: ДОСТОЕВЩИНА» КАК ДИСКУРС ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕДОБРАЗОВАННОСТИ

Малиновский Е.Л., канд. психол. наук, Кубанская Л.Л., г. Барановичи, Беларусь

Наша семейная библиотека, если не сказать наша семья, начиналась с двух книг «Человек: психология» – небесно-голубой, подписанной автором для своей студентки, моей будущей жены, и коричневато-зеленой, подписанной им же для меня как успешного «защитуна–1986». До сих пор эта цветовая дихотомия, напоминает о бурных противоречиях моей аспирантской жизни на кафедре общей и детской психологии МГПИ им. М.Горького. Диалектически ясно, что именно

противоречия и являются движущими силами. Но диссертация писалась в свободное от жизни время, основная часть которого отведена семье.

Ныне понимаешь, что нет ничего сакрального, кроме профессиональной интуиции, в диагнозе Психолога своему аспиранту: «неплохой человек, но какая-то нем достоевщина!». Такое существование без сущности вполне сравнимо с авторским решением «психологической предобразованности, то есть личностной вовлеченности, интроспективного проецирования и психотерапевтического ожидания в условиях самовоспитания и межличностного взаимодействия» [2, с. 29]. В условиях эстетического воспитания, полученного на музыкально-педагогическом факультете, предобразованность мотивировала эмоциональную переоценку предлагаемых дисциплинарных паттернов в поиске «идентичного» текста, открывающего субъекту причину его страданий и вечную парадигму любви. Этот поиск лучше всего иллюстрирует сентенция Ф. М. Достоевского, данная в Дневнике писателя: «счастье – это знание, по крайней мере, почему несчастлив». Оценочная амбивалентность «достоевщины» как диагноза очевидна: то ли нарекание, то ли комплимент – очевидно, для психолога, все же последнее. Ведь психолог начинается с комплекса – страха подсознательного, но сакрального, на подобие Е. Евтушенко: «Мне страшно, мне сегодня столько лет, как самому еврейскому народу!». Такой страх стимулирует поиск человеком себя самого, упреждает дискурс, то есть блуждание (от лат. *discurrere*). Дискурс – это такое речевое поведение, которое интегрирует научное знание и дифференцирует эмоциональные, в том числе межличностные отношения. Начиная с усвоения всей имеющейся информации, он последовательно приводит к насыщению аффективной сферы личности рациональным чувством, то есть экспрессией вначале прикреплен к культурно-психологическому имиджу Учителя, умная сердечность которого в полной мере источает гармонию когнитивного, аффективного и поведенческого. Такая харизма носителя психологической культуры и подтолкнула меня некогда осторожно приоткрыть двери аудитории, и послушать плодотворную информацию: «Коллеги, – как всегда образно и убедительно обращался к студентам профессор, – можно много и многих не знать, но не знать Выготского..?!».

Поступление в аспирантуру было отмечено очередным испытанием «достоевщины». Первый профессор психологии в Беларуси Б.А. Бенедиктов, критически потрясая собственной бородой, отметил мою экипировку: «бородой себе дорогу пробьете, молодой человек!». Именно борода явилась, в некотором смысле, «критерием профдекуватности», ибо кафедра общей и детской психологии в ту пору красовалась сразу пятью разноформатными бородами: своего заведующего и четырех аспирантов – Леонида Пергаменщика, Бориса Жизневского, Анатолия Амалькова и меня. Данное обстоятельство стало общим местом для юмористических эссенций. Так профессор математики А.А. Столяр часто предварял заседание совета по защите диссертаций репликой: «и кто это у нас сегодня защищается? Ага, бородастые – значит психологи!». А доцент Л.Б. Касперская на пятидесятилетнем юбилее Психолога читала свои «стихи-загадки для дошколят» приблизительно следующего содержания: «чи, скажите-ка ребята, аспиранты бородасты? – Это наш психолог Минский: ...Яков Львович Коломинский» (скандировал весь зал).

Это было во многом наивное и веселое, «застольно-застойное», с «перестроечными переменными», время. На кафедре господствовала творческая атмосфера, подогреваемая искренней верой в Любовь. Поддержка носила коллективное выражение, ведь на кафедре царило явное ценностно-ориентационное единство: бескорыстное служение людям. Кафедра стала для нашей семьи домом в его экологическом (гр. oikos) значении — образовательной формации личности. В этом обустройстве важное участие приняла профессор Елизавета Александровна Панько, научный руководитель Любви, моей жены, старшего преподавателя кафедры психологии Брановичского государственного университета, матери семерых детей, ставшей в соответствии с задачами «Деятельности воспитателя детского сада», лидером оптимальной, по А.С. Макаренко, разновозрастной группы: «7+2».

Культура начинается с «психологизации школы» [2, с. 41]. Эта «психологизация», в свою очередь, берет свое начало в Беларуси с научной школы Я.Л. Коломинского. В этом смысле, показался характерным эпизод, описанный доцентом из Бреста Л.А. Цыбаевой, которая будучи докторантом В.С. Мухиной, услышала от неё такую ремарку: «Я знаю только одну психологическую школу в Беларуси – это школа Коломинского».

Возвращение в сферу педагогического образования, в alma mater, родной педвузырситет, вначале приятно удивило. На мое сетование пенсионного возраста, Яков Львович ответил: «Женя у нас с тобой еще все впереди!». Это означает, что альтернативы дальнейшего преобразование «человека–достоевщины» в «человека–психологию» нет, пока живет и здравствует «Человек среди людей».

1. Коломинский, Я. Л. *Человек-психология* / Я. Л. Коломинский. — М. : Просвещение, 1986 — 420 с.
2. Коломинский, Я. Л. *Социальная психология школьного класса : науч.- метод. пособие для педагогов и психологов* / Я. Л. Коломинский. — Минск: Аинформ, 2003. — 312 с.